Бугаев Алексей Евгеньевич

КОГНИТИВНО-ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ВРЕМЕНИ

В данной статье рассматривается проблема понимания времени как теоретико-познавательной категории. После кантовской философии такой взгляд на время относительно мало исследовался в философской литературе. В этом представляется научная новизна темы, которой посвящена статья. В работе излагаются взгляды на хронологическую проблематику в рамках онтологии, теории познания и, в большей степени, философской антропологии. В статье раскрываются проблемы хронологической рефлексии, существования, возможности знания и историко-философские особенности становления круга проблем категории "время".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 31-34. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Грузинский политолог А. Рондели справедливо отметил: «Распад СССР создал новую реальность, породив международные отношения между бывшими субъектами Союза. Иерархия советских межэтнических отношений уступила место процессам самоутверждения, дележу территорий, пересмотру прав и обязанностей, всеобщей неуверенности и страху, напряженности и агрессии» [4, с. 35].

Учитывая отношения между участниками, неопределённость правовой основы международных отношений и сложность структурирования нового миропорядка, приходим к неутешительному выводу: нестабильность, конфликтность и новые вызовы безопасности вполне вероятный сценарий будущего для Южного Кавказа.

Августовский конфликт 2008 года стал своеобразной точкой невозврата. Новые способы взаимодействия между государствами постсоветского пространства и выработка новых внешнеполитических концепций являются необходимым этапом дальнейшего развития.

Российско-грузинский конфликт выявил остроту проблем, существующих на постсоветском пространстве, которые нуждаются в превентивном урегулировании до возникновения очередного кризиса.

Список литературы

1. **Гаджиев К. С.** Кавказский узел в геополитических приоритетах России. М., 2010.
2. **Доклад независимой международной миссии по расследованию конфликта в Грузии** [Электронный ресурс]. URL: http://freedom.bb24.ru/viewtopic.php?id=693 (дата обращения: 15.08.2011).
3. **Загладин Н. В.** Конфликт вокруг Грузии в глобальном контексте // Дестабилизация мирового порядка и политические риски развития России: сб. ст. М., 2010.
4. **Рондели А.** Южный Кавказ и Россия // Вестник Европы. 2002. № 7-8.
5. **Ronald D. Asmus.** How to Prevent another War in the Southern Caucasus [Электронный ресурс] // The Washington Post. 2010. July 3. URL: http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/07/02/AR2010070204358.html (дата обращения: 09.08.2011).

AUGUST 2008: UNKNOWN PAST AND KNOWN FUTURE

Zeinab Zelimkhanovna Bakhturidze, Ph. D. in Political Science, Associate Professor
Department of World Politics
Faculty of International Relations
St. Petersburg State University
zeinabb1000@list.ru

The author analyzes transformation processes within the former USSR by the example of the August conflict between Russia and Georgia, shows that while studying the results and consequences of the events of August 2008 it becomes apparent that the conflict is not over and the situation remains tense and unpredictable, and substantiates the need to search for the new principles of the relations between the states within the former USSR taking into account the contemporary realia of the world politics.

Key words and phrases: transformation processes; international relations; former USSR; foreign policy conception; norms of international law.

УДК 115
Философские науки

В данной статье рассматривается проблема понимания времени как теоретико-познавательной категории. После кантовской философии такой взгляд на время относительно мало исследовался в философской литературе. В этом представляется научная новизна темы, которой посвящена статья. В работе излагаются взгляды на хронологическую проблематику в рамках онтологии, теории познания и, в большей степени, философской антропологии. В статье раскрываются проблемы хронологической рефлексии, существования, возможности знания и историко-философские особенности становления круга проблем категории «время».

Ключевые слова и фразы: время; онтология; гносеология; Просвещение; экзистенциализм; хронологическая рефлексия; существование; последовательность.

Алексей Евгеньевич Бугаев
Кафедра социально-гуманитарных дисциплин
Кубанский государственный университет (филиал) в г. Армавире
alexeybugaev@gmail.com

КОГНИТИВНО-ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ВРЕМЕНИ©

Существование неразрывно связано со временем. Эта мысль максимально подробно была отрефлексирована М. Хайдеггером, в частности, в работе «Бытие и время» [4, с. 411]. Однако вопрос об осознании или понимании времени как когнитивного усилия остается весьма интересным.

© Бугаев А. Е., 2012

В опыте время дано лишь как среда, как некое мерило изменений. И познается оно только в качестве средства. Хронологическая рефлексия как интеллектуальное усилие должна лежать вне поля рассудка (в гегелевском понимании), ибо его жесткие и односторонние определения, сталкиваясь с понятиями непрерывности и бесконечности, рискуют завести в тупик. Однако, так или иначе, все это связано с попытками рассмотреть время как нечто внешнее, иное по отношению к сознанию, чаще всего как физическую характеристику.

Тем не менее нельзя отрицать факт внутреннего осознания времени, некоего чувства времени. И именно это осознание как раз и стыкуется с весьма похожим внутренним чувством, точнее, ощущением существования.

Довольно простые суждения «я есть», «его не стало» погружают нас в фиксацию факта последовательности, а значит – временности. Не было – есть – не стало. То, что между ними, – время. То, что между ними, – существование.

Кантовская субъективность времени, его сопоставление времени и познавательных способностей есть не что иное, как предположение тождества мыслительного акта «я есть» и «время есть».

Если Декарт видел в мышлении гносеологическую основу существования, то для Канта скорее время является такой опорной точкой существования мира явлений [3, с. 56].

Одна из важнейших теоретических основ знаменитого «коперниканского» переворота состоит в том, что Кант перенес категорию «время» из группы онтологических в группу теоретико-познавательных категорий. Одно дело – рассматривать время как свойство бытия или его часть, и совсем другое – понимать его как инструмент познания. При таком подходе рефлексия выходит на совершенно другой уровень спекуляции. Здесь принимает особое значение и вызывает особый интерес исследователя проблема отношения времени к личности (в общем) и к самому себе (в частности). Если любой акт чувственного и рассудочного познания хронологически обусловлен, то и познание времени на уровне чувственность – рассудок также возможно лишь во времени. Таким образом, время возможно лишь в познавательном акте, и любой отрыв времени от познавательной деятельности является лишь абстракцией. Осознание времени – хронологическая рефлексия – есть безусловный акт существования, то, с чего начинается осознание существования. И здесь исследователь неминуемо натыкается на проблему возможности неосознанного существования.

Возможно ли быть без артикулированного и осознанного «я есть»? Понятие «человек» в полном смысле раскрывается лишь через его способность понимания. Важнейшим качеством человека утверждается сознание. А сознание – это перманентное действие. Поэтому существование – всегда усилие. Это – всегда борьба за то, чтобы вырваться из глубин небытия, борьба за то, чтобы *стать* и *оставаться*. Как только борьба ослабевает – существование теряет свою интенсивность. А начало этой борьбы – постулат «это – я, и я есть».

Констатируя, «я есть», мы далеко не всегда четко можем ответить на вопрос: «что значит быть?». Как раз тут встает проблема определения *абсолютного* существования.

Любой абсолют не нуждается ни в чем, кроме самого себя. Абсолютное существование не нуждается ни в чем, кроме существования. Время в таком случае неведомо ему. Потому, например, у Канта время применимо лишь к относительному миру феноменов, в христианской традиции – относительному тварному миру. Время – признак относительности существования. Время – признак временности.

Осознание времени – акт не просто осознания существования. Это – акт осознания относительного, несовершенного, *временного* существования.

Проблема времени и смерти – еще один аспект, который будет интересно рассмотреть как пограничную когнитивно-экзистенциальную проблему. По Хайдеггеру, осознание времени есть осознание смертности и смерти [4, с. 406]. Смерть как вариант небытия предполагается в качестве отсутствия существования, а значит, и времени. И в этом её схожесть с абсолютным существованием. Разница лишь в том, что смерть абсолютна всегда.

Конечно, здесь не отрицается смерть «не полностью», или умирание за свободу «не целиком» (А. Камю), или идея того, что личность, будучи в памяти, в своем духовном наследии продолжает оказывать влияние на существующий мир. И в этом смысле иные личности и после смерти могут существовать более интенсивно, чем живущие формально. Просто смерть не полностью – это уже существование, один из его (существования) вариантов.

Итак, существование имеет меру интенсивности, а смерть – нет. И именно этот вывод роднит абсолютное существование с небытием, со смертью, которые всегда абсолютны.

Поэтому не случайно в некоторых философских системах грань между абсолютным существованием и смертью, небытием стирается. Например, у Гегеля: «Бытие, чистое бытие – без всякого дальнейшего определения. В своей неопределенной непосредственности оно равно лишь самому себе, а также не неравно в отношении иного, не имеет никакого различия ни внутри себя, ни по отношению к внешнему. Если бы в бытии было какое-либо различимое определение или содержание или же оно благодаря этому было бы положено как отличное от некоего иного, то оно не сохранило бы свою чистоту. Бытие есть чистая неопределенность и пустота. В нем нечего созерцать, если здесь может идти речь о созерцании, иначе говоря, оно есть только само это чистое, пустое созерцание. В нем также нет ничего такого, что можно было бы мыслить, иначе говоря, оно равным образом лишь это пустое мышление. Бытие, неопределенное непосредственное, есть на деле ничто и не более и не менее, как ничто» [2, с. 140].

Категория «Я» как раз и начинается с осознания собственного существования. И только потом, как правило, начинаются попытки нахождения обоснования открытия существования собственного «Я».

При этом важной чертой такого осознаваемого существования является артикулированная параллельность существованию других отдельных предметов, явлений, мира в целом. Осознавая «Я», осознавая собственное сознание и мышление, мы устанавливаем факт того, что *сосуществуем*. Координатами такого сосуществования является время. Время – это та трещина, изъян, через который нам ведомо бытие, запечатанное в прочную оболочку трансцендентности. И лишь вспышка существования нашего сознания, представляя собой некий надлом в трансцендентном бытии, позволяет нам на мгновение жизни, мельком заглянуть туда. У Хайдеггера такая позиция выражается отчасти понятием *присутствие*. Именно через формирование этой, одной из ключевых категорий философии Хайдеггера ясно прослеживается мысль о сверхсубъективности онтологической проблематики. Наиболее общие, смысложизненные вопросы – вопросы «почему», а не «как» (в кантовском смысле) – не выражаемы в строго научной объект-объектной структуре. Они всегда проходят через «я», через субъекта и предельно субъективное. А предельная субъективность и есть не что иное, как чистое существование. Там, где субъективность элиминировала все, оставшись наедине с собою, и остается сверхсубъектность, или, наверно, более точно *чрезсубъектность*.

«Сущность этого сущего лежит в его быть. Что-бытие (es-sentia) этого сущего, насколько о нем вообще можно говорить, должно пониматься из его бытия (existentia). Онтологическая задача тут – именно показать, что если мы избираем для бытия этого сущего обозначение экзистенция, этот титул не имеет и не может иметь онтологического значения традиционного термина *existentia*: *existentia* онтологически равносильна *наличности*, которая сущему характера присутствия в принципе не подходит. Путаница устраняется тем, что для титула *existentia* мы всегда употребляем выражение *наличие*, а экзистенцию как бытийное определение отводим только присутствию» [4, с. 42].

Возможно, не вполне очевидным, но весьма обстоятельным отражением вопроса смерти и ничто является страх. Так или иначе, любой страх сводим к страху смерти. Даже страх боли как страх нечто неприятного совершенно точно отражает понимание боли как предупреждения о смерти. Напоминания о ней — не на логическом, а на физиологическом уровне.

В любом же случае страх как перед относительно изведанным (болью), так и перед неизвестностью (смертью) всегда – *ожидание*, то есть нечто, неотделимое от времени, нечто, существующее в нем. Без времени нет ожидания, а значит – нет страха. Страх всегда предшествует *случаю*. Когда случай *случается* – страха уже нет.

Если говорить об абсолютном страхе, то это страх, который не может быть онтологически отделен от самого существования. Мощь переживания страха вплетена во все аспекты бытия, в абсолютном страхе нет разума, нет рассудка, ощущения настолько слабо выражены, что становятся незаметными. Абсолютный страх не имеет степени интенсивности, он не имеет выраженной сферы действия.

И при всем при этом страх принципиально встроен в процедуры времени. Он всегда протекает, движется. Движется до точки, когда случается его предмет, в абсолюте – смерть.

Любое существование – это всегда ожидание. Причем ожидание в конечном своем итоге, в конце концов – неизведанного. Смерти. Пустоты. Абсолюта.

Если посмотреть на сознание как на начало познавательной деятельности – не как на результат, а как на источник мышления, рассудка, восприятия, – более ясной становится мысль о связи существования и наличности, данности. Однако данность никоим образом не является онтологической структурой. Напротив, именно сознание и представляет собою тот самый *случай* существования без данности, некой точки «есть» без присутствия чего-либо.

Весьма показательным является тот факт, что рефлексия в отношении времени и временности идёт категорически в разрез с рассудочными способностями человека. Любые попытки систематизировать свойства времени и сопоставить их с более-менее логичной онтологической конструкцией заводят мыслителя в тупик. Апории Зенона Элейского, связывающие пространство, движение и время, есть одна из первых гениальных демонстраций этого. Знаменитое высказывание Августина – «Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю» [1] – также можно привести в пример. Еще позже кантовская философия вообще вытеснила категорию «время» в разряд трансцендентальных условий познания.

Конечно, именно особое положение понятия «существование» в философии экзистенциализма, в первую очередь, обусловило и особое внимание к проблеме времени (через связь «существование – время»). Но в роли фактора, который играет роль катализатора изучения хронологической проблематики в экзистенциализме, нельзя отрицать присущий всей философии существования деятельный, творческий иррационализм. Он является выражением протеста против классической рациональной традиции философствования.

Экзистенциализм отверг классическую эпистемологию, и суть этого, в чем-то эмоционального, акта ясна. Абсолютизация рассудка, установленная Просвещением, в первой половине XX века ошарашила человечество инфернальными гримасами радикального коммунизма, фашизма, нацизма. Человеческое существование, обоснованное в рамках сугубо рационального акта, далеко не всегда может выглядеть более важным, чем существование государства, нации, политико-экономического режима.

В частности, К. Ясперс в работе «Истоки истории и ее цель» пишет: «Разорвав разумное единство свободы и связности, Французская революция открыла путь произволу – с одной стороны, насилию – с другой.

Фанатически и безгранично веря в могущество разума, она не является источником современной свободы, которая выросла на почве последовательного развития подлинной свободы в таких странах, как Англия, Америка, Швейцария и Голландия. Поэтому, несмотря на героический подъем в своей начальной стадии, Французская революция является выражением и почвой современного неверия» [5, с. 151].

Именно потому, что мы заглянули в бытие через трещину времени, мы мыслим абсолютами, хотя никогда не имели дел с ними; мы пытаемся соблюдать нравственные нормы, которые никто не устанавливал; мы ищем истину, понимая, что её не существует; мы верим в Бога, которого нет.

Это и есть та сверхприродная часть человека, которая не вписывается, в отличие от его биологического начала, ни в теорию эволюции, ни в идею происхождения морали как способа социальной регуляции, ни в идею появления сознания в результате самоорганизации материи.

Список литературы

1. **Августин.** Исповедь [Электронный ресурс]. URL: http://philosophy.ru/library/august/01/11.html (дата обращения: 26.07.2012).
2. **Гегель Г. В. Ф.** Наука логики: в 3-х т. М.: Мысль, 1970. Т. 1. 501 с.
3. **Кант И.** Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.
4. **Хайдеггер М.** Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
5. **Ясперс К.** Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

COGNITIVE-EXISTENTIAL PROBLEMATIC OF TIME

Aleksei Evgen'evich Bugaev
Department of Social-Classical Disciplines
Kuban' State University (Branch) in Armavir
alexeybugaev@gmail.com

The author discusses the problem of time understanding as an epistemological category, shows that after Kant's philosophy such view on time was relatively little studied in philosophical literature, and it conditions the scientific novelty of the topic, which is considered in the article; presents the views on chronological problematic within the framework of ontology, epistemology and, to a greater degree, – of philosophical anthropology, and reveals the problems of chronological reflection, existence, the possibility of knowledge and the historical-philosophical peculiarities of the problems range formation of the category "time".

Key words and phrases: time; ontology; gnoseology; Enlightenment; existentialism; chronological reflection; existence; succession.

УДК 355:930(47).073
Исторические науки и археология

Статья рассказывает о переводческой деятельности Генерального штаба поручика Д. А. Милютина, касающейся сочинений военных классиков Н. В. Медема и Г. В. Жомини, а также о сотрудничестве в Энциклопедических лексиконах, для которых он подготовил свыше 150 статей по разделам: математика, география и военные науки. По мнению автора, именно статья о генерале, графе Ж. Гибере, написанная Милютиным в 1837 году, является его первым военно-теоретическим очерком.

Ключевые слова и фразы: генерал-майор барон Н. В. Медем; генерал от инфантерии барон Г. В. Жомини; генерал-майор граф Ж. Гибер; Энциклопедический лексикон; Военный энциклопедический лексикон; военно-теоретический очерк.

Дмитрий Евгеньевич Габелко, к.и.н.
Кафедра истории военного искусства
Военный авиационный инженерный университет, г. Воронеж
dmitry.gabelko@yandex.ru

ВОЕННО-НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРВЫЙ ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК Д. А. МИЛЮТИНА В 1837 ГОДУ©

В октябре 1836 г. в присутствии академического начальства состоялись экзамены, в результате которых Д. А. Милютин стал вторым в списке выпускных офицеров. В ноябре состоялся «публичный» экзамен в присутствии военного министра князя А. И. Чернышёва (1786-1857 гг.), директора Академии И. О. Сухозанета (1788-1861 гг.), членов Военного Совета и Наследника Цесаревича Александра Николаевича (1818-1881 гг.). Милютину достался билет с вопросами: по тактике – свойства и виды пехотного строя; по военной истории – кампания Суворова в Польше в 1769 г. Высокопоставленные судьи одобрили его ответы, а «Наследник Цесаревич припоминал этот экзамен лет тридцать или сорок позже» [6, с. 160]. Решением Конференции и Совета Академии, по результатам испытаний, за «отличные» успехи, Милютина наградили следующим чином, присудили серебряную медаль, имя его было занесено на академическую мраморную доску.

© Габелко Д. Е., 2012